

что у нее нет опоры в жизни, — сказал Благодатский: — Но рассудительность и твердость характера — условия еще более важные для счастья жизни женщины ли, мужчины ли, девушки ли, вдовы ли. Кто имеет твердый характер, не пропадет.

— Я совершенно согласен с вами; я хотел сказать и это, когда Софья Васильевна перервала меня, — сказал Онуфриев: — Я не такой ретроград, каким почли меня вы, Софья Васильевна.

— Очень рада, — сказала хозяйка. — Друг мой, тебе еще много работы к завтра? — продолжала она, обращаясь к мужу.

Онуфриев взялся за шляпу. Хозяин проводил его и пошел опять в свой кабинет.

Благодатский, простившись с хозяйкою и ее сестрою, пошел к нему. — Вот у нас и есть повесть на следующую книжку.

— Прекрасно, — сказал хозяин.

Н. Мауриксв

2. К ПЬЕСЕ «ВЕЛИКОДУШНЫЙ МУЖ»

ЯВЛЕНИЕ 1

Полянский (стоит опершись на раму окна локтем, перебирает пальцами по стеклу, потом начинает напевать тихо, после громче).

Я здесь, Инезилья,
Стою под окном.
Покрыта Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Закутан плащом,
С гитарой и шпагой
Стою под окном.

Ты спишь ли? — гитарой
Тебя разбуду;
Проснется ли старый? — (выпрямляется)
Мечом уложу.

Между тем входит Востронюхов, на цыпочках; останавливается подле двери, слушает. — Полянский идет по комнате; сделав несколько шагов, снова поет последние два стиха с полным пафосом самозабвения.

Проснется ли старый? —
Мечом уложу.

(Продолжает ходить).

Востронюхов. Кхе, кхе..

Полянский (встрепенувшись). А! Вы пришли, Прохор Маркелыч!

Востронюхов. Прекрасно изволите петь, Аркадий Тимофеевич. По малой моей образованности, не могу вполне понимать всего, но слушал с таким удовольствием, что совсем заслушался.

Полянский. И понимать-то бесполезно, Прохор Маркелыч, потому что к нам это вовсе не идет. То Испания; а у нас, слава богу, Россия; то Севилья, а мы в Петербурге. Там женщины умеют любить, мужчины расправляться с врагами, а у нас это не принято.

Востронюхов. Точно-с, самоуправство у нас не одобряется-с. Все должно по закону-с. Зачем изволили требовать, Аркадий Тимофеевич?

Полянский. Рассчитаться с вами, Прохор Маркелыч. Завтра в вагон, и уезжаю из вашего прекрасного Петербурга.